

Ю. В. Откупщиков

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АФИН 438—431 гг. В СВЕТЕ ТРАГЕДИЙ ЭВРИПИДА

Творчество Эврипида неразрывно связано с политической жизнью Греции второй половины V века до н. э. Трагедии поэта — один из самых интересных источников, помогающих полнее восстановить исторические события этой эпохи.

Греческая трагедия играла далеко не последнюю роль в идеологической борьбе своего времени. При этом Эсхил, Софокл, Эврипид и другие поэты не только отражали борьбу политических партий в Афинах, но и активно воздействовали на широкие массы афинских граждан.

Известно, что в греческой комедии V века вопросы современной политики могли ставиться открыто, политические деятели выступали на сцене нередко под их собственными именами, поэт в парабасе имел возможность непосредственно обратиться к гражданам с тем или иным политическим советом.

В отличие от комедии, трагический поэт был, как правило, скован рамками мифологического сюжета. Опыт изображения на трагической сцене современных поэту событий (Фриних «Взятие Милета», Эсхил «Персы») не получил широкого распространения в Афинах.

Однако оставаясь (в сюжетном плане) в рамках мифологических преданий, греческая трагедия все же не порывала с современностью. Наиболее злободневные вопросы политики, религии и философии ставились на сцене на протяжении всего V века.

Своеобразное отношение и взаимосвязь между старыми мифологическими сюжетами и актуальной современной проблематикой — одна из самых характерных особенностей греческой трагедии периода ее расцвета.

В литературе об Эврипиде вполне основательно принято считать, что поэт в своем творчестве был выразителем интересов средних землевладельцев Аттики. Его политический идеал — землевладелец-автург, ярко обрисованный трагиком в пьесе «Орест» (ст. ст. 916—922)¹. Эти слои населения не были заинтересованы в войне со Спартой, во время которой их поля должны были подвергнуться опустошениям. Рассматривая Эврипида, в основном, как выразителя интересов этих средних слоев², можно лучше, как нам кажется, понять внешнеполитическую направленность ряда трагедий поэта.

¹ Ср. также Suppl., v. v. 238—245.

² О рационализме Эврипида и о его взаимоотношениях с Аристофаном говорить в рамках настоящей статьи нет возможности.

Первые трагедии Эврипида были поставлены в 455 г. Однако о политической направленности ранних произведений поэта можно судить, в основном, лишь по незначительным фрагментам этих утерянных трагедий.

В 438 году в Афинах была поставлена трагедия Эврипида «Телеф». Афинам только что, после девятимесячной осады, с большим трудом удалось покорить отложившийся Самос³ — одного из самых могущественных афинских союзников. Война против Самоса (440—439 гг.) сопровождалась ожесточенной борьбой партий внутри Афин, причем важную идеологическую роль в этой борьбе играл афинский театр. Как раз в это время в Афинах был принят закон, запрещающий выводить на сцену должностных лиц под их собственными именами. Этот закон, ограничивающий критику внутренней и внешней политики государства, имел силу в Афинах и в год постановки «Телефа». Будучи направлен против комедии, он, однако, тем самым усиливал политическое значение трагедии, которая в рамках мифологического сюжета могла пропагандировать идеи, расходившиеся с официальной политикой государства.

Самосская война вскрыла глубокие противоречия, существовавшие между Афинами и союзниками. Вопрос об отношении к союзникам был одним из самых острых политических вопросов. Речь шла не о том, следует или не следует эксплуатировать союзников. Эксплуатация велась и при господстве аристократии, и в годы правления умеренной демократии, и при Клеоне и его сторонниках. Вопрос был о формах и степени эксплуатации. Ожесточенные дебаты по этим вопросам, имевшие место в афинском народном собрании после покорения отложившихся митиленян (427 г.), подробно описаны Фукидидом⁴. Радикальная демократия открыто признавала насильственный характер своей власти над союзниками⁵. Умеренные демократы стояли за более мягкие формы управления — не столько из соображений гуманности, сколько из расчетов на то, что такое управление будет более эффективным и выгодным⁶. И если даже в самый разгар Пелопоннесской войны, накануне прихода к власти радикальной демократии во главе с Клеоном — верх одержали противники жестких репрессий⁷, то тем более сильной должна была быть, очевидно, в Афинах оппозиция против суровых средств усмирения Самоса. Ибо в те годы (годы господства умеренной демократии) афиняне еще любили представлять себя не только спасителями материковой Греции, но и освободителями Ионии от персидского ига. Лишь позднее получил распространение взгляд на союзников как на население, отвоеванное афинянами у персов, а на форос союзников — как на дань, отнятую у варваров⁸. Усиление эксплуатации союзников, начавшееся приблизительно со времени покорения Самоса⁹, насильственные меры, применяемые по отношению к государству, отложившемуся от Афинского морского союза, должны были найти определенный резонанс и в творчестве Эврипида, живо откликавшегося на все злободневные политические события своего времени.

³ Thuc., I, 115,2 — 117,3.

⁴ Thuc., III, 36—49.

⁵ Об этом говорит, например, Клеон у Фукидида (III, 37,2) в год покорения Митилены.

⁶ Представителем этой точки зрения в «Истории» Фукидида (III, 42—48) является Диодот.

⁷ Thuc., III, 36,3.

⁸ См., например, Aristoph., Vesp., v. v. 1098—1100. О постепенном усилении власти афинян, о подчинении силой (вопреки договорам) союзных государств говорит Аристотель в «Политике» (III, 8, 4).

⁹ За 50 лет — со времени Аристида до времен Клеона — форос был увеличен почти в 3 раза: при Аристиде он был равен 460 талантам, при Перикле доходил до 600, а в 20-х гг. V века — до 1300 талантов (Plut., Aristid., 24).

К сожалению, от трагедии «Телеф», в которой поэт должен был, очевидно, так или иначе откликнуться на самосские события, до нас дошло всего 32 небольших фрагмента, составляющих в общей сложности 58 стихов (т. е. 4—5% всей трагедии). И все же с помощью ряда античных авторов сюжет «Телефа» в общих чертах можно восстановить¹⁰. Анализ сюжета и сохранившихся фрагментов должен в какой-то мере осветить и интересующий нас вопрос.

Телеф, сын Геракла и Авги, стал царем Мисии незадолго до того, как греки — на пути в Трою — разорили эту страну, приняв ее за троянскую землю. Телеф со своим войском изгнал греков из страны, но во время битвы был ранен в бедро Ахиллом. Рана долго не заживала. Обратившись к оракулу, Телеф узнал, что вылечить рану можно только тем оружием, которым она была нанесена. Ахилл, ранивший Телефа своим копьем, находился в это время в Аргосе среди греческого войска, которое после поражения, нанесенного ему в Мисии, вынуждено было вернуться назад и собиралось с силами для второго похода под Трою.

Действие трагедии начинается с того момента, когда Телеф под видом нищего появляется в Аргосе. Переодетый в лохмотья мисийский царь встречается здесь Клитемнестру и завоевывает ее симпатию. Между тем греки, первый поход которых против Трои закончился неудачно из-за поражения в Мисии, считают Телефа не только своим врагом, но и изменником. Он, будучи сам греком, стал воевать против греческого войска, выступившего в поход на варваров! Телеф, неузнанный под рубищем нищего, слышит эти обвинения. Возмущенный несправедливостью греков, которые первыми напали на его землю, Телеф «нищий» выступает перед всей греческой ратью с речью, в которой он защищает царя Мисии (т. е. — самого себя). Однако речь эта не убеждает греков; «нищего» обвиняют в том, что он поносит все государство:

ἀπασιαν ἤμων τῆν πόλιν κακοῦροῦσῃ.

— «он осыпает бранью все наше государство» (fr. 713).

Наконец, Одиссей заявляет, что перед войском — не нищий, а шпион мисийского царя. Тогда Телеф, схватив (возможно, при содействии Клитемнестры) малолетнего сына Агамемнона — Ореста, бежит к алтарю, открывает свое настоящее имя и говорит о причине своего прихода в Аргос. В случае отклонения его просьбы, Телеф угрожает убить Ореста. Опять следуют (на сей раз уже открытые) обвинения в измене. Царь Мисии убедительно доказывает, что войну начал не он, а сами греки, что каждый на его месте также стал бы защищать свою страну от нападения. Войско и Ахилл соглашаются излечить Телефа, с условием, чтобы он присоединился к ним и отправился под Трою. Но Телеф отказывается, ссылаясь на то, что его жена — троянская царевна. Трагедия заканчивается излечением Телефа, который был вынужден за это (возможно, по велению божества) указать грекам путь к Трое.

Совершенно ясно, что важное место в этой трагедии Эврипида занимали вопросы внешней политики. Эврипид, как это нам известно из сохранившихся его трагедий, как правило, писал произведения, неразрывно связанные с конкретной современной ему политикой Афинского государства. Какое же идейное воздействие на граждан мог иметь «Телеф» Эврипида в 438 г.?

¹⁰ Н у г., Fab., 104; L i b a n., Declam., V, 8; A p p o l o d., Epit., III, 17. Реконструкция сюжета дана F. G. Welcker, Die griechische Tragödie, 1839, стр. 477 слл.; J. A. Hartung, Euripides restitutus, Hamburg, 1843—1844, т. I, стр. 196 сл.; W. N. Bates, Euripides, a Student of Human Nature, Philadelphia, 1930, стр. 294—297.

Обвинение самосцев в измене «общегреческому делу» имело широкое распространение в Афинах накануне постановки «Телефа». Правда, Фукидид не останавливается подробно на событиях, последовавших вслед за покорением острова. Но нужно полагать, что судьба побежденных решалась в афинском народном собрании в присутствии послов с Самоса¹¹. Эти послы¹² могли вполне резонно заявить, что отложение Самоса было вызвано вмешательством Афин в его внутренние дела (вплоть до захвата острова вооруженными силами афинян). Такая аргументация, поддерживаемая сторонниками умеренной внешней политики в Афинах, могла вызвать протест среди агрессивных кругов афинян:

ἄπασαν ἡμῶν τὴν πόλιν κακοῦροισί

По-видимому, подобные обвинения были обычными в афинском народном собрании. Их бросали в лицо тем, кто, выступая против агрессивной политики, стремился в той или иной степени умалить вину противников Афинского государства¹³.

В приведенном fr. 713 кто-то из греков, в ответ на оправдания Телефа, заявляет, что тот поносит весь наш город. Спрашивается, какой город? Возможно, перед нами — анахронизм, так как Телеф в своих ответных обвинениях, вероятно, «поносит» все греческое войско, собравшееся в Аргосе из самых различных государств, а не один город. Анахронизмы у Эврипида обычно вызываются политическими соображениями, когда поэт стремится перенести в мифологические времена учреждения и обычаи своего времени, когда он намекает на современные ему события. В государстве, о котором идет речь в данном фрагменте, нетрудно увидеть современные поэту Афины¹⁴.

Поэт показывает в трагедии правоту Телефа, рисует образ этого героя в положительном свете. Это можно считать твердо установленным, так как если бы Телеф был отрицательным характером, то в пьесе не было бы трагической ситуации, и торжество Телефа в исходе действия шло бы вразрез со всей известной нам практикой греческой трагедии¹⁵.

Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что трагедия «Телеф» в условиях политической борьбы Афин 438 г. выражала интересы тех кругов, которые стояли за более мягкие формы управления союзниками, за предоставление большей самостоятельности членам союза, за более умеренную эксплуатацию подчиненных Афинам государств.

В свете такого понимания трагедии находят свое определенное место и отдельные дошедшие до нас фрагменты из нее.

Возможно, что в какой-то связи с обвинениями самосцев в персофильстве находится fr. 717:

Ἑλληνας ὄντες βαρβάρους δουλεύσομεν;

«Будучи эллинами, мы станем рабами варваров?»¹⁶

¹¹ В аналогичном случае — после покорения отложившегося Лесбоса (427 г.) — в народном собрании присутствовали митиленские послы (Th u s., III, 36,3), при которых и решалась участь их сограждан.

¹² А если их в Афинах не было, то в защиту самосцев могли выступать противники жестоких репрессий по отношению к побежденным.

¹³ Интересно отметить, что в «Ахарнях» Аристофана (в сцене, пародирующей соответствующее место из «Телефа») хор именно этими словами обвиняет «отложившегося» от Афин Дикеополя (ст. 577).

¹⁴ Даже если Телеф «поносит» один город (Аргос) — и в этом можно видеть намек на Афины.

¹⁵ А р и с т о т е л ь в «Поэтике» (гл. XIII) пишет, что подобный случай (переход отрицательного характера от несчастья к счастью) является наименее трагичным.

¹⁶ О связях Самоса с Персией (во время его отложения от Афин) сообщает Фукидид (I, 115,4—5).

В тесной связи с основной политической направленностью «Телефа» находились, по-видимому, и «пацифистские»¹⁷ мотивы, характерные для этой трагедии. Правда, Телеф, в конце концов, указывает грекам путь под Трою. Но эта формальная концовка, как и в ряде сохранившихся трагедий Эврипида¹⁸, не может заслонить того факта, что Телеф отказывается принять участие в войне против Трои. Отказ Телефа вызвал, по-видимому, споры среди греческого войска. Так, например, fr. 721 содержит слова, брошенные кем-то (а, быть может, и самим Телефом) Менелаяу:

ἰθ' ὅποι' χρήσεις· οὐκ ἀπολοῦμαι
τῆς σῆς Ἑλένης εἶνεκα

«Отправляйся куда хочешь, а я не буду умирать из-за твоей Елены».

Троянская война, как война из-за Елены,— это мотив, особенно характерный для «пацифистских» трагедий Эврипида (ср. трагедии «Троянки» и особенно «Елена»). С этим мотивом мы сталкиваемся уже в одной из самых ранних трагедий поэта.

Таким образом, можно предположить, что трагедия «Телеф» была в какой-то мере направлена против усиленно подготовлявшейся агрессивными кругами афинской демократии войны со Спартой.

Изложенная нами трактовка «Телефа» — прямо противоположна толкованию Риббека¹⁹ и Нестле²⁰, которые считают, что острие этой трагедии было направлено против Спарты. Характерно, что Риббек относит к антиспартанским трагедиям также «Андромаху», «Троянок» и «Елену», из которых последние две — явно «пацифистские» пьесы. Нестле же сам был вынужден признать, что сохранившиеся фрагменты лишь в очень слабой степени дают основание предполагать неблагоприятный тон по отношению к Спарте в данной трагедии²¹.

Может ли выступление против войны со Спартой и защита самосцев расцениваться как поддержка аристократической партии в Афинах? Конечно, нет.

Правда, инициаторами отложения Самоса от Афин были самосские аристократы. Однако нельзя ставить знак равенства между афинскими и самосскими аристократами. Кроме того, Самос отложился не во время длительного аристократического правления, а только после того, как афиняне изгнали с Самоса аристократов, а те, вернувшись назад, подняли восстание²². Без поддержки значительной части населения (в том числе — и части демократов) аристократы Самоса не смогли бы организовать девятимесячную оборону государства. Именно поэтому, в аналогичном случае с отложением Лесбоса, Клеон утверждал, что без поддержки митиленских демократов аристократы не смогли бы поднять восстание против Афин²³.

Защита интересов союзного государства на афинской сцене отнюдь еще не означала защиты интересов афинской аристократии. Точно так же против войны со Спартой (даже после ее начала) выступали не только

¹⁷ Этот термин употребляется в настоящей статье весьма условно. Разумеется, «пацифизм» Эврипида существенно отличается, например, от современного буржуазного пацифизма.

¹⁸ Ср., например, «Ион», где заключительное примирение отнюдь не говорит о том, что в этой трагедии прославляется Аполлон.

¹⁹ O. R i b b e c k, Euripides und seine Zeit. Progr. Bern., 1860, стр. 23.

²⁰ W. N e s t l e, Euripides, der Dichter der griechischen Aufklärung, Stuttgart, 1901, стр. 315.

²¹ Nestle, ук. соч., стр. 315 со ссылкой на fr. 722 и 723.

²² Thuc., I, 115, 4—5.

²³ Thuc., III, 39, 6.

аристократы, но и широкие слои свободного землевладельческого населения Аттики — что нашло свое наиболее яркое выражение в комедиях Аристофана²⁴.

Недовольство усиленной эксплуатацией союзников и подготовкой войны со Спартой чувствуется и в других трагедиях Эврипида, написанных до 431 г.

По-видимому, незадолго до начала Пелопоннесской войны в Афинах была поставлена трагедия «Беллерофонт»²⁵. Краткая реконструкция сюжета этой трагедии вместе со сжатым и убедительным анализом ее идейного содержания дана проф. И. М. Тронским:

«Если боги совершают позорные поступки, они не боги», — говорится в одном из фрагментов в трагедии «Беллерофонт». Герой этой трагедии, усомнившись из-за зла, царящего на земле, в самом существовании богов, пытается подняться к небу на крылатом коне, чтобы проверить свои сомнения. Во время полета Беллерофонт падает и разбивается. Казалось бы «нечестивца» постигла кара, но Беллерофонт умирает мужественной смертью, твердо уверенный в своем благочестии. Возбуждая симпатию к злосчастному герою, Эврипид косвенным образом подтверждает благочестивый характер его сомнений, а тем самым и их основательность»²⁶.

Несомненно, центральное место в идейном содержании этой трагедии занимают религиозно-философские вопросы. Однако сохранившиеся фрагменты дают основание предполагать, что и политические мотивы играли в ней немаловажную роль.

Что заставило Беллерофонта усомниться в существовании богов? Несправедливость, которую он видел вокруг себя. Причем, фрагменты 288, 295 и 297 говорят о том, что это была не отвлеченная, а конкретная политическая несправедливость. И если Эврипид в ходе действия трагедии показывает основательность сомнений героя, то, естественно, в трагедии с особой убедительностью должны были звучать те политические предпосылки, из которых Беллерофонт исходил в своих сомнениях.

В чем же, конкретно, усматривал Беллерофонт несправедливость окружавшей его политической жизни?

Фрагменты 295, 297 и 298 говорят о том, что честные, справедливые люди побеждаются людьми несправедливыми, дурными. Только последние получают почести.

Но наиболее важным для понимания трагедии «Беллерофонт» является fr. 288.

Герой решительно отрицает существование богов:

φησὶν τις εἶναι θεῶν ἐν οὐρανῷ θεοὺς;
οὐκ εἶσιν, οὐκ εἶσ'... (fr. 288, v. v. 1—2)

«Говорят, что на небе существуют боги? Нет, их нет!» Обращаясь к зрителям, он предлагает им самим разобраться этот вопрос (ст. 4—5). Доводы Беллерофонта, опирающегося на факт царящей в мире несправедливости, целиком заимствованы из политической жизни:

«Я утверждаю, что тирания убивает и лишает имущества многих (граждан), и нарушители договоров опустошают города. И совершающие

²⁴ Ср. В. Ярхо, Аристофан, М., 1954, стр. 33—42 и др.

²⁵ «История греческой литературы», изд. АН СССР, 1946, относит дату постановки этой трагедии к 432—431 гг. (стр. 404). С полной определенностью можно утверждать лишь то, что эта трагедия была поставлена до 425 г. (см. Aristoph., Acharn., v. v. 426—429).

²⁶ И. М. Тронский, История античной литературы, Л., 1951, стр. 150.

подобное — более счастливы, чем те, кто изо дня в день, никому не мешая, почитает богов»²⁷.

Вряд ли тирания, о которой идет речь в данном отрывке, напоминала сидящим в театре афинянам о тирании Писистрата и его сыновей: все это было в далеком прошлом, да и мало вяжется с упоминанием в той же фразе о нарушении договоров (клятв) и опустошении городов.

В те годы, когда Афины, готовясь к войне, покоряли силой всякий отложившийся от них город, когда велась осада Потидеи и был усмирен ряд более мелких городов Халкидики²⁸, в Греции был широко распространен взгляд на власть афинян как на тиранию. Не случайно Фукидид в своей «Истории» заставляет Клеона открыто заявить, что 'αρχή афинян — это τυραννίς (III, 37, 2; см. также, I, 122, 3 и I, 124, 3).

Покорение отложившихся от Афин городов сопровождалось обычно массовыми убийствами и конфискацией имущества у большого количества граждан (ср. κτείνειν τε πλείστους χρημάτων τ' ἀποστρεφεῖν). Это сопоставление можно считать достаточно основательным, если учесть, что здесь же, в данном отрывке, говорится об опустошении городов нарушителями клятв. Очевидно, что речь здесь идет о союзных городах, которые, по свидетельству Аристотеля, были усмирены афинянами силой, вопреки договорам²⁹.

Таким образом, приведенный отрывок³⁰ в конкретной политической обстановке кануна Пелопоннесской войны должен был звучать как осуждение политики насильственного подавления союзников, проводимой теми слоями афинской демократии, которые толкали государство к войне.

«Мне известны небольшие города, почитающие богов, — говорится далее в том же фрагменте 288, — они подчиняются более крупным и нечестивым (городам), побежденные более многочисленным войском»³¹.

Этот отрывок — еще одно свидетельство в пользу приведенной выше трактовки политического содержания «Беллерофонта»³².

Следовательно, политическая несправедливость, приведшая Беллерофонта к религиозному скепсису, обретает свою конкретную форму в несправедливой насильственной политике Афин по отношению к союзникам.

²⁷ φῆμ' ἐγὼ τυραννίδα
κτείνειν τε πλείστους χρημάτων τ' ἀποστρεφεῖν
ὄρκους τε παραβαίνοντας ἐκπορθεῖν πόλεις·
καὶ ταῦτα δρῶντες μᾶλλον εἰς' εὐδαίμονες
τῶν εὐσεβοῦντων ἡσυχίαν καθ' ἡμέραν (fr. 288, v. 5—9).

²⁸ Thuc., I, 59—61 и далее; I, 65, 3.

²⁹ Aristot., Polit., III, 8, 4.

³⁰ Находясь в неразрывной связи с основной проблематикой трагедии, этот отрывок не может рассматриваться как случайное рассуждение героя. Выраженные в нем мысли — основные в идейном плане трагедии, их справедливость подтверждается всем ходом ее действия.

³¹ πόλεις τε μικρὰς οἶδα τιμώσας θεούς,
αἱ μείζωνων κλύουσι δυσσεβέστερων
λόγῃσι ἀριθμῷ πλείονος κρατούμεναι.

³² Ср. С. Я. Лурье, История античной общественной мысли, М.—Л., 1929, стр. 217, где последний отрывок рассматривается как выпад против афинской политики по отношению к союзникам. Это, однако, не совсем вяжется с основной трактовкой трагедии, в которой С. Я. Лурье видит попытку Эврипида доказать несостоятельность каких бы то ни было религиозных сомнений; если неверны скептические выводы Беллерофонта, то вряд ли верны и те предпосылки, на основании которых он к ним пришел.

Итак, несмотря на всю малочисленность дошедших до нас фрагментов «Телефа» и «Беллерофонта», реконструкция сюжета этих трагедий и анализ отдельных отрывков позволяют сделать некоторые выводы о политической направленности раннего творчества Эврипида. Правда, выводы, основанные на анализе столь небольшого количества фрагментов утерянных пьес, — всего лишь гипотеза. Но эта гипотеза отчасти может быть проверена на материале дошедшей до нас трагедии 431 года «Медея».

Трагедии Эврипида «Медея» и «Филоклет» были поставлены в Афинах за несколько месяцев до начала Пелопоннесской войны, когда лакедемонское войско уже стояло у границ Аттики.

На первый взгляд трудно себе представить трагедию, более далекую от политики, чем «Медея». Но несмотря на то, что основная идейная проблематика этой трагедии весьма мало связана с вопросами внешней политики Афин, анализ «Медеи» все же может вскрыть ее определенные политические тенденции.

Одной из главных экономических причин, приведших государство Греции к Пелопоннесской войне, явилась, как известно, борьба Афин и Коринфа за преобладание на западных рынках. Пока экспансия Афин распространялась на восток, не затрагивая жизненных интересов Коринфа на западе, последний был настроен довольно миролюбиво по отношению к своему торговому конкуренту. Во время восстания Самоса (440—439 гг.), когда восставшие обратились за помощью к Пелопоннесскому союзу, именно Коринф настоял на том, чтобы отказать в помощи Самосу³³.

Когда же против Коринфа поднялась его собственная колония Керкира, вошедшая в состав Афинского морского союза, когда торговые интересы коринфского союзника Мегар были сильно ущемлены мегарской псефисмой, когда афиняне начали осаду отпавшей от них колонии Коринфа Потидеи, Коринф стал сначала требовать прекращения агрессивных актов со стороны Афин, а затем — после отказа афинян — повел среди членов Пелопоннесского союза агитацию за открытие военных действий против Афин. В то же время дипломатические переговоры между пелопоннесцами и афинянами не прекращались до самого последнего момента, и до последних дней сохранялась надежда на то, что конфликт будет урегулирован мирным путем.

Война или мир? — весной 431 года этот вопрос стоял в центре всей политической и общественной жизни Афин. Эврипид, всегда живо откликавшийся на важнейшие события своего времени, вряд ли мог обойти этот вопрос в своих трагедиях 431 года.

И действительно, уже самый выбор мифа в трагедии «Медея» не был, по всей вероятности, случайным. Во всяком случае, ни выбор мифа, ни его конкретная разработка не считались случайными уже в античности.

В схолиях к «Медее»³⁴ сохранилось одно интересное сообщение, которое косвенно подтверждается также свидетельствами Элиана³⁵. Оказывается, некоторые философы и Пармениск (источник достаточно древний и надежный) писали, что Эврипид, будучи подкуплен коринфянами, представил в своей трагедии дело так, будто бы детей Медеи убили не жители Коринфа (как гласила традиционная версия), а сама Медея³⁶.

³³ Thuc., I, 40, 5; 41, 2.

³⁴ Σ Med. ad v. 9.

³⁵ Ael., Var. hist., V, 21.

³⁶ В схолиях даже называется сумма — 5 талантов (ὡς ἄρα πέντε τάλαντα λαβὼν παρὰ Κορινθίων Εὐριπίδης μεταγάγοι τὴν σφαγὴν τῶν παιδῶν ἐπὶ τὴν Μυδαιαν). Элиан сообщает, что Эврипид внес изменения в миф по просьбе коринфян (rogantibus Corinthiis), не упоминая о подкупе. Нужно отметить, что это свидетельство имело широкое хождение среди философов (πολυαίως τις λόγος — говорится о нем в указанном месте схолий к «Медее»).

Можно ли приведенные свидетельства считать абсолютно достоверными? Вероятно, нет. И все же, вряд ли здесь перед нами только «нелепый анекдот»³⁷, «невероятная фантазия»³⁸, «посмертная клевета»³⁹. С одной стороны, признавая данное сообщение простым «анекдотом», мы рискуем объявить нелепым вымыслом слишком много ценных свидетельств античных авторов. С другой стороны, если даже перед нами, действительно, анекдот, мы должны выяснить причину его возникновения, которая может нам дать материал не менее ценный, чем содержание самого анекдота.

По-видимому, если не вдаваться в другую крайность и не видеть в подкупе Эврипида коринфянами действительно имевший место факт⁴⁰, — приведенному сообщению древних авторов можно будет дать вполне приемлемое объяснение.

Что, собственно говоря, сделал Эврипид в «Медее»? Он коренным образом изменил господствующую в его время версию мифа об убийстве детей Медеи коринфянами. По этой версии коринфяне убили детей Медеи, мстя ей за смерть своего царя и его дочери⁴¹. Другая распространенная версия говорила о том, что коринфяне убили детей Медеи, не желая, чтобы над ними имели власть потомки варваров (дети Ясона и Медеи)⁴². В том и другом случае детей Медеи убивали коринфяне. Эти представления укрепились настолько прочно, что коринфяне вплоть до римского завоевания ежегодно приносили жертвы убитым, а своих детей облачали в черные одежды и стригли им волосы⁴³. Рассказ Эвмела о том, что Медея погубила своих детей бессознательно, надеясь сделать их бессмертными, не имеет прямой связи с событиями в Коринфе. Версия же Креофила (Дидим в *Σ Med. ad v. 264*), по которой детей убили родственники Креонта, а затем распустили слух, что их убила сама Медея, — позднейшего происхождения⁴⁴.

Итак, Эврипид впервые представил дело так, что детей убивают не коринфяне, а сама Медея⁴⁵. Важное политическое значение такой переработки мифа можно полностью оценить только в том случае, если вспомнить, в какой исторической обстановке была произведена эта переработка и какое важное политическое значение имел миф для афинянина V века до н. э.

Возьмем для примера миф о Деметре и Триптоleme. В IV в. до н. э., во время переговоров со Спартой, афинянин Каллий доказывал спартамцам, что они не должны опустошать поля Аттики, ибо Триптолем посвятил в элевсинские мистерии первыми из иностранцев их сограждан Геракла и Диоскуров и первым же пелопоннесцам подарил знак Деметры⁴⁶.

³⁷ Th. Bergk, Griechische Literaturgeschichte, III, B., 1884, стр. 505, прим. 117.

³⁸ L. Page, Introduction to the ed. of «Medea», Oxf., 1938, стр. XXV.

³⁹ И. Ф. Анненский, Миф и трагедия Геракла (Театр Эврипида, II, М., 1917), стр. 100.

⁴⁰ Как это делает, например L. Séchan, La légende de Médée, REG, XV (1927), стр. 253.

⁴¹ Paus., II, 3, 6.

⁴² Σ Med. ad v. v. 9 et 264.

⁴³ Paus., II, 6, 7.

⁴⁴ W. Schmid — O. Stählin, Geschichte der griechischen Literatur, III, München, 1940, стр. 357, прим. 9.

⁴⁵ Одно время считалось, что приоритет в изображении на сцене Медеи — убийцы детей принадлежит Неофрону. Так считали, например, Bergk (ук. соч., III, стр. 505) и H. Weil (в изд. «Medea» — P., 1899). В последнее время анализ языка, стиля и метра фрагментов Неофрона позволил довольно твердо установить, что его «Медее» относится к IV в. до н. э. (см. Schmid — Stählin, ук. соч., III, стр. 380; P. Narsis, Handbook of Classical Drama, L., 1944, стр. 172 и, особенно, Page, ук. соч., стр. XXIV—XXVI).

⁴⁶ Xenoph., Hell., VI, 3, 6. Ссылками на отдельные мифы во время переговоров изобилуют также сочинения Геродота и Фукидида.

Исократ в «Панегирике», рассказывая о том, что Деметра дала предкам афинян дары, которыми те поделились с остальными эллинами, пытается обосновать этим права Афин на гегемонию в Греции⁴⁷. Аргосцы же, как сообщает Павсаний, доказывали, что Триптолем был сыном аргосца⁴⁸.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что мифологические события рассматривались греками как исторические, что мифом они стремились обосновать те или иные политические права, что миф был важным идеологическим средством политической борьбы. Аристотель в «Реторике» рассказывает, что афиняне при обосновании своих прав на Саламин ссылались на свидетельство Гомера (кстати, на стих, который, по сообщению Диогена Лаэртского, был вставлен Солоном), а тенеосцы в споре с жителями Сигея опирались на стихи Периандра⁴⁹. Таким образом, не только устный миф, но и письменно засвидетельствованное его изложение у поэтов приобретало важное политическое значение.

Поэтому ясно, что когда Эврипид, по существу, снял с коринфян обвинение в тяжком «историческом» преступлении (в тот момент, когда между Афинами и Коринфом должна была вот-вот разразиться война!), — его «Медее» могла расцениваться военной партией Афин только как, по меньшей мере, «непатриотическая» трагедия. По-видимому, именно в это время возникли неофициальные обвинения Эврипида в подкупе. Обвинения эти вероятнее всего исходили от тех кругов афинян, которые выступали за войну против Коринфа и Спарты, и вряд ли они могли быть «посмертной клеветой», т. е. появиться много лет спустя, когда самый вопрос об отношениях между Афинами и Коринфом потерял свою остроту и стал забытым фактом далекого прошлого. Обвинения Эврипида в подкупе, по-видимому, клевета. Но не в этом дело. Главное — в том, что «Медее» вызвала эти обвинения, свидетельствуя этим, как она была воспринята в Афинах.

Возможно, что Эврипид при изменении мифа о Медее руководствовался, главным образом, соображениями иного характера, не задумываясь над политическими последствиями этого изменения. И все же трагедии «Телеф», «Беллерофонт» и «Филоктет», самый выбор в 431 г. мифа о Медее в Коринфе для разработки в трагедии, а также ряд других соображений (о них — ниже) заставляют предполагать, что Эврипид писал «Медее», сознательно рассчитывая на то политическое воздействие, которое она и имела на афинян.

Благожелательное отношение к Коринфу в то время, когда военная партия в Афинах всячески стремилась разжечь в гражданах ненависть к этому городу, не могло в 431 г. означать ничего иного, кроме стремления к мирному урегулированию конфликта.

Характерен также и тот факт, что образы коринфян в «Медее» даны в довольно мягких тонах, хотя самое положение Креонта и его дочери в драматическом конфликте трагедии давало поэту полную возможность изобразить их в резко отрицательном свете (ср., например, образ Креонта в «Медее» Сенеки).

Не менее знаменательным является полное отсутствие выпадов против коринфян в «Медее» Эврипида⁵⁰, хотя в рамках этой трагедии подобные вы-

⁴⁷ Isocr., Panegy., 46.

⁴⁸ Paus., I, 14, 2.

⁴⁹ Aristot., Rhet., I, 15.

⁵⁰ Этот факт слишком бросается в глаза. А. Бёк полагал, в связи с этим, что до нас дошел второй, исправленный вариант «Медей» и что в первом варианте, поставленном в 431 г., было много резких выпадов против коринфян («ut credam, in priore editione multa fuisse in Corinthios acerbius dicta» — A. Voelckhus, Graecae tragoediae principum, Heidelbergae, 1808, стр. 169). Это предположение А. Бёка — маловероят-

пады можно было бы вложить в уста героев в полном соответствии с художественной правдой, не загромождая действия многочисленными, не связанными с ним высказываниями. Это обстоятельство является особенно странным у Эврипида, который очень часто прибегает к политическим выпадам против врагов даже там, где это не совсем уместно по ходу действия.

В связи с изложенным выше пониманием политической направленности «Медей», особый интерес приобретает известная сцена с Эгеем и следующая за ней песня хора, прославляющая Аттику. Об уместности или неуместности сцены с Эгеем в эврипидовской «Медее» было немало споров. Мнения резко разделились. Большинство ученых считает эту сцену неуместной, недостаточно мотивированной, даже — позднейшей вставкой поэта⁵¹. Самый факт возникновения проблемы «уместности» сцены с Эгеем, как нам представляется, говорит о том, что она не совсем «уместна» в «Медее», во всяком случае — в ней не все логично и понятно.

Почему Эгей отказывается сразу же взять с собой Медею? Ведь она обещает ему найти средство от бездетности, а тем самым делает ненужным путешествие в Трезен! Кроме того, путешествие Эгея в Трезен должно закончиться его женитьбой на дочери Питтея Этре. Это совершенно не вяжется с бегством Медеи в Афины, которое, согласно мифу, относится к тому времени, когда у Эгея был уже сын от Этры (Тезей).

Почему Эгей требует, чтобы Медея сама нашла средство уйти из Коринфа? Ведь ее там ничто не задерживает, ее даже высылают оттуда⁵², а о том, что последующее убийство Креонта и его дочери может воспрепятствовать бегству Медеи из Коринфа — Эгей даже и не подозревает!

Еще Веклейн в своем издании «Медей» отметил (со ссылкой на Фатера) сходство между оговорками Эгея (ст. 723—724) и осторожной формой, в которой у Фукидида были выражены условия союза с Керкирой⁵³. В одной из сравнительно новых работ было отмечено много близких по своему содержанию мест у Эврипида и Фукидида⁵⁴. В частности, в этой работе говорится о сходстве в речах коринфян и керкирян (Thuc., II, 32 сл.), с одной стороны, Медеи и Ясона — с другой⁵⁵.

Эти факты говорят о том, что Эврипид живо интересовался политическими событиями 433—432 гг. и что они нашли свое отражение в «Медее», поставленной в 431 г., особенно — в сцене с Эгеем.

Было бы странно, если бы Эврипид после нарушения Никиева мира (чему в течение ряда лет активно содействовал Коринф) вздумал бы заняться пересмотром своей трагедии — с целью... реабилитировать коринфян. Скорее можно предположить обратное. Впрочем, гипотеза А. Бёка признания в научном мире не получила.

⁵¹ В работах последнего времени защитником уместности сцены с Эгеем выступил М. П о л е н ц (Die griechische Tragödie, Lpz, 1930, II, стр. 72), противником — Бете. Последний считает, что мотивировка путешествия Эгея в Трезен к Питтею «притянута за волосы», так как оракул велел афинскому парю как можно скорее спешить домой, а Эврипид заставил его отправиться в Трезен только для того, чтобы он мог в Коринфе встретиться с Медеей» (E. B e t h e, Medea-Probleme, «Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Gesellsch. d. Wissensch. zu Leipzig», LXX, 1918, I, стр. 6).

⁵² B e t h e, ук. соч., стр. 6. Впрочем вывод Бете о том, что сцена с Эгеем — позднейшая вставка, не имеет достаточных оснований.

⁵³ Thuc., I, 44, 1. См. Euripides. Ausgewählte Tragödien, Erkl. von W e c k l e i n, I, Lpz, 1874, стр. 86 (прим. к ст. 723 сл.). Отмечая это сходство, Веклейн не делает из этого никаких выводов.

⁵⁴ J. H. F i n l e y, Euripides and Thucydides («Harvard Studies in Cl. Phil.», XLIX, 1938, стр. 23—68).

⁵⁵ F i n l e y, ук. соч., стр. 32—33. Финлей приводит также много других интересных примеров. Его цель — доказать, что речи у Фукидида не являются чистым вымыслом их автора. Трагедии Эврипида для него — не объект анализа, а только материал для доказательства своих положений. Поэтому никаких выводов относительно «Медей» Эврипида Финлей не делает.

Эгей подробно (ст. 723—729) говорит о том, что Медея сама должна покинуть Коринф. Тогда, приняв ее в Афинах, он не нарушит норм права (*δίκαιος ὢν* — ст. 724). Это место, как говорилось выше, не очень вяжется с положением вещей в трагедии и живо напоминает стремление афинян, заключив договор с Керкирой, формально не нарушить условия мирного договора с пелопоннесцами⁵⁶. Разумеется, сходство между речами у Фукидида и отдельными местами из «Медеи» Эврипида не может быть достаточно близким, а тем более — текстуально точным. Речи у Фукидида, как известно, воспроизводились историком приблизительно — на память⁵⁷, а Эврипид вообще не воспроизводил в «Медее» политических речей своего времени. Эти речи лишь оказали более или менее сильное влияние на аргументацию его героев и на трагедию в целом. К тому же для нас не так важно отметить самый факт сходства между отдельными местами эврипидовской «Медеи» и событиями, предшествовавшими ее постановке. Гораздо важнее выяснить, какое отношение к этим событиям могла вызвать постановка «Медеи» на афинской сцене.

Здесь весьма показательным является отношение Эгея к Коринфу, подтверждающее данную выше трактовку этой трагедии. Когда Медея рассказывает о намерении Ясона вторично жениться, Эгей резко отрицательно характеризует как поступок Ясона (*ἔργον αἰσχιστόν* — ст. 695), так и его самого (*ἔστι κακός* — ст. 699). Затем он спрашивает Медею, кто выдает свою дочь за Ясона. Медея отвечает:

Κρέων, ὃς ἄρχει τῆσδε γῆς Κορινθίας

«Креонт, который правит в этой Коринфской земле» (ст. 702). Ни Медея, ни Эгей не бросают ни одного слова упрека, не употребляют ни одного отрицательного эпитета по адресу Креонта и коринфян. Когда Медея сообщает афинскому царю, что Креонт изгоняет ее из Коринфа, тот лишь спрашивает: *ἐξ δ' Ἰάσον;* «И Ясон позволяет?» (ст. 707).

Наконец, Эгей прямо заявляет Мееде, что он не хотел бы ссориться с Коринфом, не хотел бы брать на себя ответственность, увозя ее с собой из этого города:

ἀναίτιος γὰρ καὶ ξένους εἶναι θέλω

«Ведь я хочу быть невиновным и по отношению к чужеземцам (коринфянам)» (ст. 730).

Характерно также и то, что Медея, по существу, обманывает Эгея, когда берет с него клятву. Вряд ли Эгей собирался оказывать в своем городе покровительство детоубийце. Он просто хотел приютить у себя изгнанницу, не подозревая даже о намерениях Медеи в Коринфе. Причем, Эгей делает это не из «рыцарских» побуждений (как это пытается представить большинство исследователей), а из соображений своей личной выгоды: Медея обещала избавить его от бездетности⁵⁸. Поэтому вряд ли в несколько простоватом, хотя и приветливом Эгее следует видеть предшественника мудрого и благородного Тезея последующих трагедий Эврипида, а в самой «Медее» — прославление покровительства, оказанного Афинами слабым государствам.

⁵⁶ Ср. оговорки в речи послон Керкиры (Т h u с., I, 34, 1; 35, 1; 36, 1), ссылки коринфян на договор (Т h u с., I, 40, 4), а также сравнение Веклейна ст. 723—724 «Медеи» с Т h u с., I, 44, 1.

⁵⁷ Т h u с., I, 22, 1.

⁵⁸ Интересно в этом плане отметить, что вся речь послон Керкиры опиралась именно на соображения выгоды, которую получают Афины, приняв Керкиру в морской союз (см. Т h u с., I, 32, 1; 33, 1; 36, 1—3). О *τὸ συμφέρον* и *τὸ δίκαιον* в речах послон Керкиры и Коринфа, а также в «Медее» Эврипида — см. Finley, ук. соч., стр. 32—33.

В литературе неоднократно (и совершенно справедливо) отмечалось, что известная песня хора в «Медее» (ст. 824 слл.), воспевающая Аттику, имеет своей целью прославление родного города поэта. Однако не обращалось никакого внимания на то, как прославляется Аттика в этой песне и что именно в ней прославляется. А между тем, эти особенности дают интересный материал для понимания политической направленности «Медей». В отличие от ряда последующих трагедий Эврипида, в которых прославляется военная мощь Афин, славные подвиги предков, покровительство, оказанное слабым и гонимым, — хор «Медей» совершенно не касается этих моментов, хотя, казалось бы, покровительство, оказанное Эгеем Мееде, могло бы послужить для этого хорошим поводом.

Хор в «Медее» воспекает природные красоты Аттики, прославляет эту страну как цветущую, не подвергавшуюся опустошениям (*ἱερὰς χώρας ἀπορρήτου* — ст. 825—826). В 431 г., когда лакедемонское войско стояло у границ Аттики, а Перикл намеревался, собрав граждан в стенах города, отдать всю страну на разграбление врагу, слово *ἀπορρήτου* никак не могло говорить о неприступности Аттики, ибо ее никто даже и не собирался, в случае войны, защищать.

Эти стихи могли лишь напомнить афинянам о грозящей опасности опустошения Аттики; воспевая же природные красоты неопустошенной родной страны, поэт как бы призывал граждан сохранить ее таковой, что было возможно только в случае сохранения мира.

В песне хора не только ничего не говорится об Афинах и их покровительстве, оказанном слабым государствам (что звучало бы весьма актуально в начале 431 года), но открыто порицается покровительство, оказанное Эгеем Мееде:

«Как... (такая) страна примет (к себе) детоубийцу, нечестивую (женщину)?»⁵⁹.

В связи со всем вышеизложенным, не исключена возможность, что здесь перед нами — политический намек: упрек поэта по адресу внешней политики Афин, — быть может, даже связанный с принятием Керкиры в Афинский морской союз⁶⁰. Хотя последнее — не больше, чем гипотеза.

Наконец, говоря о хоре в «Медее», следует отметить еще одну незначительную деталь, вырисовывающуюся на общем фоне благожелательного отношения к Коринфу. Эта деталь слабее воспринимается при чтении, но при постановке в афинском театре весной 431 года она должна была оказать свое воздействие на зрителей.

Хор коринфских женщин воспекает Аттику в тот момент, когда между Афинами и Коринфом со дня на день готовы были начаться военные действия. Этот хор как бы символизировал собою мир между двумя государствами и был тесно связан со всей политической направленностью трагедии в целом.

Таким образом, конкретная разработка мифа о Мееде в Коринфе, коренное изменение сюжета в этом мифе, отсутствие отталкивающего изображения коринфян и выпадов против них, сцена с Эгеем и хор, воспевающий мирную Аттику, — все это свидетельствует об оппозиционной направленности «Медей» Эврипида по отношению к агрессивной политике Афин.

⁵⁹ πῶς . . . χώρα τὰν παιδοκτετρῶν ἔξει, τὰν οὐχ ὀσίαν. . . (ст. 846—850).

⁶⁰ То обстоятельство, что афиняне, заключив союз с Керкирой, сражались на стороне последней против коринфян, послужило, как сообщает Фукидид (I, 55, 2), первым поводом к войне между Афинами и Пелопоннесским союзом. О «нечестивых» действиях Керкиры Эврипид мог получить сведения не только из речей явно пристрастных коринфских послов. Во время одного из морских сражений керкиряне, одержав победу над коринфским флотом, перебили значительную часть пленных (Thuc., I, 30, 1) — что вряд ли встретило одобрение в Афинах (особенно, среди противников войны). Как известно, против убийства пленных Эврипид выступил вскоре после начала Пелопоннесской войны (в трагедии «Герakлиды»).

Подобная трактовка политической концепции «Медеи» прямо противоположна известным нам толкованиям этой трагедии. Большинство исследователей считает «Медею» аполитичной трагедией. Так, например, Вилламовиц пишет: «Эврипид не вмешивается в политические дебаты... (Здесь) нет ни слова ни за, ни против войны, ни за, ни против Спарты и пелопоннессцев»⁶¹. Витковский в своей «Греческой трагедии» пишет по поводу «Медеи»: «Политических намеков в пьесе нет, несмотря на то, что она была поставлена в год, когда началась Пелопоннесская война. В ней нет ни слова ни против Спарты, ни за нее, ни против войны, ни за войну, нет никакого намека ни на современные, ни на прошлые отношения между Коринфом и Афинами»⁶².

В тех исследованиях, где все-таки говорится о политической тенденции «Медеи», последнюю видят в поддержке агрессивной политики Афин. Единственный, по сути дела, аргумент в пользу этого — наличие в «Медее» песни хора, в которой воспеваются Аттика. Так, например, Мэррей считает, что Эврипид в этой песне хора «откликнулся на призыв Перикла»⁶³. Пейдж в издании «Медеи» (Oxf., 1938) рассматривает эту трагедию как восхваление могущества Афин (ст. 7—8). По его мнению «в этот период поэт еще рассматривает Афины как предводителя и спасителя Эллады» (стр. 8). Примерно в таком же плане рассматривается «Медея» и в других работах, где хотя бы вкратце затрагивается вопрос об отношении ее к внешней политике Афин⁶⁴.

Подобное толкование «Медеи», опирающееся, как уже говорилось, почти исключительно на одну песню хора (и, отчасти, на сцену с Эгеем), вызывает ряд сомнений и у самих сторонников этого толкования. Так например, Поленца особенно смущает слово *απορρήτου* (ст. 826): Неужели, спрашивает Поленца, Эврипид воображал, что вражеское войско может быть удержано на границах Аттики?⁶⁵ Ответа на поставленный вопрос он не дает. Этот ответ пытается дать Вилламовиц, толкующий всю песню хора в «Медее» символически: враг не может разорить Аттику, ибо ее цветы и плоды — «это цветы и плоды афинской поэзии и афинской мысли»⁶⁶.

Вот как натянуто приходится толковать Эврипида, если исходить из той предпосылки, что поэт поддерживает военные устремления Афин!⁶⁷

Одновременно с «Медеей» весной 431 года в Афинах была поставлена и другая трагедия Эврипида «Филоктет». Эта трагедия была, по-видимому, специально посвящена разработке политических вопросов, главным образом, актуальнейшей проблеме дня — проблеме войны и мира.

Сюжет эврипидовского «Филоктета», в общих чертах, может быть восстановлен не столько на основании анализа сохранившихся фрагментов⁶⁸, сколько с помощью пересказов у Гигина (fab. 192) и Диона Хрисостома

⁶¹ Wilamowitz-Möllerndorff, Griechische Tragödien, B., 1926, т. 3, стр. 192.

⁶² S. Witkowski, Tragedja grecka, Lwów, 1930, т. 2, стр. 37. Ср. также W. Christ, Geschichte d. griech. Literatur, München, 1912, ч. 1, стр. 357 и др.

⁶³ G. Murray, Euripides and his Age, L., 1926, стр. 91—92 (см. также изд. 1948 г.).

⁶⁴ См. Bergk, ук. соч., III, стр. 501; G. Schmidt, Qua ratione Euripides res sua aetate gestas adhibuerit in Heraclidis..., Hallis Sax., 1881, стр. 30; И. Ф. Анненский, Трагическая Медея (Театр Эврипида, т. I, М., 1906, стр. 230); H. Steiger, Euripides, seine Dichtung und seine Persönlichkeit, Lpz, 1912, стр. 140; Schmidt-Stählin, ук. соч., III, стр. 361; Pohlenz, ук. соч., I, стр. 272—273, 371; Harsh, ук. соч., стр. 171; E. Delebecque, Euripide et la guerre du Péloponnèse, P., 1951, стр. 61—64.

⁶⁵ Pohlenz, ук. соч., I, стр. 273.

⁶⁶ Wilamowitz-Möllerndorff, ук. соч., стр. 193.

⁶⁷ Что, отчасти, делает и Вилламовиц (ук. соч., стр. 194).

⁶⁸ Их до нас дошло всего 16 (в общей сложности — 34 строки).

(Ор., 52,59)⁶⁹. Последний сравнивает трагедию Эврипида «Филоктет» с одноименными трагедиями Эсхила и Софокла, отмечая отличительные особенности каждой из них.

В отличие от «Филокетета» Софокла, хор эврипидовской трагедии состоит из жителей Лемноса (Ор., 52, 6—7). Герой трагедии Эврипида имеет помощника — одного из местных граждан Актора (52, 8). Афина изменяет внешний облик Одиссея с той целью, чтобы Филоктет не мог узнать его (52, 13). Одиссей является на остров не с Неоптолемом (как у Софокла), а с Диомедом (52,14). Вслед за греками на Лемнос к Филоктету является посольство из Трои, которое стремится привлечь его на свою сторону (52,13), так как прорицатель Елен предсказал, что Троя может быть взята только с помощью лука и стрел Филокетета. Встретившись с Филоктетом (еще до прибытия троянских послов), Одиссей выдает себя за грека, бежавшего из-под Трои от козней Одиссея, который, погубив Паламеда, теперь якобы преследует его друзей (Ор., 59, 6—10). Филоктет недоверит на Одиссея, выражая сочувствие «беглецу» (Ор., 59,9—10). Вот в основном почти все, что нам известно об этой трагедии. Сохранившиеся фрагменты ничего нового, по существу, не дают. В самых общих чертах сюжет эврипидовского «Филокетета» совпадает с сюжетом одноименной трагедии Софокла. Но разработка сюжета дана в обеих трагедиях различно. Если в центре трагедии Софокла стоит конфликт нравственного порядка, то у Эврипида основное внимание уделено, по-видимому, политическому конфликту. Это отчасти подтверждает и Дион Хрисостом, говоря, что построение трагедии у Эврипида — в противоположность простым конструкциям Эсхила — отличается сложностью и исключительно большой ролью, которую играет в ней красноречие⁷⁰, судя по сюжету — политическое. В этом находят свое объяснение и те особенности, которые отличают трагедию Эврипида от трагедий Эсхила и Софокла, посвященных разработке того же сюжета.

Прежде всего, троянское посольство введено Эврипидом, по-видимому, для того, чтобы дать в трагедии широкое место политическим дебатам. Той же цели отчасти служит и изменение внешности Одиссея, который не имел бы, в противном случае, возможности вести споры на политические (или любые другие) темы с враждебно настроенным по отношению к нему Филоктетом. Почти определенно можно сказать, что центральное место в «Филоктете» Эврипида занимал тот момент, когда к герою явилось троянское посольство и он, по-видимому, выслушивал речи обеих сторон (агон), т. е. речи греков (Одиссей, Диомед) и троянцев. Эта сцена в 431 г. должна была живо напомнить зрителям те многочисленные посольства, которые неоднократно являлись в Афины накануне Пелопоннесской войны. Особенно много общих черт мы имеем здесь с теми событиями, которые относятся ко времени, когда афиняне выслушивали в народном собрании речи посланцев Керкиры и Коринфа, в которых каждое из этих государств стремилось склонить Афины на свою сторону⁷¹.

К сожалению, о заключительной части трагедии нам почти ничего неизвестно. Ясно только, что в конце концов Филоктет отправился в вой-

⁶⁹ Все места, относящиеся к «Филоктету» Эврипида, приведены у Н а у к а в III томе его издания трагедий поэта (Iрз, 1869, стр. 216 слл.). Реконструкция сюжета дана у В е л ь к е р а (ук. соч., стр. 512 слл.), Г а р т у н г а (ук. соч., т. I, стр. 348 слл.) и Б е й т с а (ук. соч., стр. 278—281).

⁷⁰ ἡ τε του Εὐριπίδου σύνεσις... ὡς περ ἀντιστροφός ἐστι τῆ τοῦ Ἀισχύλου [ἀπλοῦς τε — addit Reiskius], πολιτικώτατη καὶ ρητορικώτατη οὖσα «И построение у Эврипида... является как бы противоположным простоте Эсхила, будучи весьма политичным и риторичным» (Dio Chrys., Ор., 52, 11).

⁷¹ Th u c., I, 32—43.

ско под Троию — в полном соответствии с традиционным мифом. Политические споры обоих посольств и Филоктета возможны были лишь при условии отказа последнего от участия в войне на той или другой стороне. Большинство зрителей в Афинах, естественно, с недоброжелательством относилось к посольству Трои, которая являлась их врагом как в мифологическом, так и в историческом плане. Но и Одиссей, с самого начала решивший действовать путем обмана, не мог внушить доверия ни Филоклету, ни зрителям. Характерно, что в трагедии особо подчеркивалась низость Одиссея в деле с Паламедом (Dio Chr., Or., 59, 8—9) — это было бы неуместным в случае «патриотической» (т. е. агрессивной) направленности трагедии. Основной тон пьесе задавал, по-видимому, Филоктет, всячески отказывавшийся от войны.

Аргументация спорящих сторон нашла слишком слабое отражение в сохранившихся фрагментах. Некоторый интерес в этом отношении представляет лишь фрагмент 791:

μακάριος ὅστις εὐτυχῶν οἴκοι μένει.
ἐν γῆ δ' ὁ φέρτος, καὶ πάλιν ναυτιλλεται.

«Блаженным является всякий, кто, будучи счастливым, остается дома. Груз — на земле, а (он) снова занимается мореплаванием».

Фрагмент — довольно темный по содержанию; не совсем ясно, о ком идет речь. Возможно, что здесь осуждаются мореплавание и морская торговля, содержится призыв к тому, чтобы оставаться дома, на своей земле ⁷². Весной 431 года, когда все население Аттики вынуждено было покинуть насиженные места и собраться в городе, когда план будущей войны предусматривал полное разорение Аттики и снабжение Афин морем, подобные слова, осуждающие морскую торговлю, могли выражать, по-видимому, недовольство внешней политикой Афин.

К сожалению, ни этот весьма неясный фрагмент, ни другие фрагменты из «Филоктета» не проливают достаточно яркого света на интересующую нас проблему.

«Филоктет» Эврипида, вероятно, заканчивается тем, что герой вместе с Одиссеем и Диомедом отправляется в лагерь греков под Троию. Трудно представить, каким образом конфликт в этой трагедии можно было бы разрешить без вмешательства *deus ex machina*. Если в «Филоклете» Софокла героя не могло склонить даже благородство Неоптолема, то вряд ли в трагедии Эврипида к этому могла привести хитроумная ложь Одиссея ⁷³. Впрочем, в любом случае внешняя концовка могла и не соответствовать направленности всей трагедии — что даже является характерной особенностью значительной части трагедий Эврипида ⁷⁴. Поэтому вряд ли на том основании, что Филоктет отправляется на войну под Троию, следует делать вывод о военной тенденции этой трагедии ⁷⁵, ибо Филоктет, в соответствии с мифом, должен был отправиться под Троию, как Орест должен был убить свою мать.

⁷² Ср. осуждение мореплавания в начальных стихах «Медеи» (v. v. 1—7).

⁷³ Правда, некоторые исследователи считают, что Одиссей без помощи *deus ex machina* побудил Филоктета ехать под Троию (см., например, S c h m i d — S t ä h l i n, ук. соч., III, стр. 375). Решающего значения для понимания трагедии этот момент не имеет, хотя он и не безразличен для приведенного нами толкования «Филоктета».

⁷⁴ Например, «Ион», «Орест», «Беллерофонт» — в религиозном плане. В связи с этой особенностью трагедий Эврипида (касаясь их отношения к религии и мифологии) И. М. Т р о н с к и й (ук. соч., стр. 150) пишет: «Его трагедии зачастую построены таким образом, что внешний ход действия приводит как будто к торжеству богов, но зрителю внушается сомнение в их нравственной правоте».

⁷⁵ Ср. W i l a m o w i t z - M ö l l e n d o r f f, ук. соч., т. 3, стр. 191.

Таким образом, несмотря на крайнюю отрывочность наших сведений о политической направленности творчества Эврипида до начала Пелопоннесской войны (431 г.), анализ «Медеи», а также отчасти фрагментов «Телефа», «Беллерофонта» и «Филоктета» дает основание сделать на этот счет некоторые выводы.

Прежде всего, в трагедиях Эврипида, поставленных до 431 г., мы встречаем отрицательное отношение к войне, готовившейся в течение 30-х гг. V века.

Затем, в отдельных трагедиях выражалось недовольство политикой Афин по отношению к союзникам, — что находилось в тесной связи с «пацифистской» направленностью этих трагедий.

Наконец, выступление против войны и против усиления эксплуатации союзников было, по существу, направлено также и против радикальной демократии Афин, толкавшей государство на путь войны со Спартой.

Все эти факты говорят о том, насколько ожесточенной была политическая и идеологическая борьба в Афинах накануне Пелопоннесской войны, а также о том, что Эврипид не только в конце войны, но и перед ее началом выступал против агрессивной внешней политики Афин, против развязывания кровопролитной войны между двумя могущественнейшими государствами Греции V века до н. э.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОБЫНЫ